

© 2023

Екатерина Романчук

аспирант, младший научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

(e-mail: kate.romanchuk@ya.ru)

СОДЕЙСТВИЕ МВФ УЗБЕКИСТАНУ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Длительное время руководство Узбекистана придерживалось социально-экономической модели с ориентацией на импортозамещающую индустриализацию и постепенной либерализацией финансовой сферы. Вследствие этого подходы взаимодействия страны с Международным валютным фондом (МВФ) и другими международными финансовыми организациями было ограничено рядом вопросов, по которым видение узбекского руководства совпадало с представлениями экспертов этих институтов о путях развития национальной экономики республики. Однако, как только Правительство Республики Узбекистан согласилось провести рекомендуемые ему Бреттон-Вудскими институтами реформы, для страны стали открываться возможности углубления интеграции в мировую экономику.

Ключевые слова: МВФ, Узбекистан, платежный баланс, международная инвестиционная позиция, реформы, либерализация финансовой сферы, открытие торговли.

DOI: 10.31857/S020736760024669-4

В последние годы отечественные и зарубежные ученые обращают внимание на произошедшие с момента избрания на пост Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева преобразования во внутренней и внешней экономической политике государства в части либерализации финансового сектора и увеличения торговой открытости, а также – на скорость их осуществления [1]. Успешность реформ в Узбекистане, как правило, ставится в заслугу нынешнему руководству республики без учета поддержки, которую оказали Правительству Республики Узбекистан международные финансовые организации, включая Международный валютный фонд (далее – МВФ, Фонд). Однако именно консультативная помощь МВФ и финансовое обеспечение, предоставленное многосторонними банками развития, способствовали нивелированию ряда негативных социально-политических последствий либерализации финансовой сферы Узбекистана.

Вовлеченность МВФ в процессы экономических преобразований в Узбекистане проявилась только в последние годы. До середины 2010-х годов наблюдалась тенденция ограниченного сотрудничества страны с этой международной финансовой организацией. Дело в том, что, начиная с 1990-х годов, Бреттон-Вудские институты настаивали на проведении в республике реформ по либерализации финансовой сферы и открытости торговли. Руководство Узбекистана хоть соглашалось с рекомендациями МВФ и Всемирного банка относительно

целесообразности обеспечения экономического развития посредством установления «здорового частного сектора, [...] значительно уменьшенной роли правительства, открытости для остального мира (и, следовательно, необходимости достижения экономической конкурентоспособности) и макроэкономической стабильности» [2. Р. 85], но выполняло их постепенно.

В этой связи с целью проанализировать, насколько оправданным был данный подход, к каким результатам привела экономическая политика руководства центральноазиатской республики и почему в итоге правительство уступило МВФ, согласившись на кардинальные преобразования экономики, проведен обзор истории работы международной организации в Узбекистане.

Взаимодействие Узбекистана с МВФ в период реализации национальной социально-экономической модели развития. Подобно большинству других стран бывшего СССР, Узбекистан в первые годы после обретения независимости следовал рекомендациям Всемирного банка и МВФ, проводя либеральные реформы в ценообразовании, приватизации жилой недвижимости и малых торговых предприятий [3. Р. 31]. Данный подход нашел поддержку со стороны МВФ, и в 1995 году Фонд одобрил предоставление стране двух кредитов общим объемом 224,5 млн СПЗ¹ (эквивалентно 333 млн долл.) [4, 5]².

Однако проводимые реформы по переходу от плановой экономики к рынку негативно повлияли на социально-политическую обстановку в стране. Поэтому с конца 1996 года руководство Узбекистана резко изменило свою политику: большинство из осуществленных ранее реформ были отменены, а приоритетным направлением была выбрана импортозамещающая индустриализация.

С этого времени руководство Узбекистана использовало административное вмешательство в действия рыночных механизмов, а во внешней торговле установило заградительные торговые барьеры и ограничительный валютный режим с множественными обменными курсами узбекского сума (далее – МОК)³.

Стоит отметить, что МОК был самым противоречивым решением руководства Узбекистана. К моменту его установления зарубежные специалисты уже доказали, что в долгосрочной перспективе этот режим валютного регулирования приведет к потере гибкости узбекской экономики, а также к неспособности системы цен сигнализировать об относительном дефиците товаров на рынке и передавать его участникам стимулы для организации эффективного производства в будущем [7].

---

¹ СПЗ (специальные права заимствования) являются международным резервным активом, созданным МВФ для пополнения официальных резервов его стран-членов. Не будучи валютой, СПЗ выступают в качестве потенциальной претензии на свободно используемые валюты членов МВФ. Корзина валют определяет СПЗ: доллар США, евро, китайский юань, японская иена и британский фунт.

² Согласно данным МВФ, Узбекистан использовал только 165,2 млн СПЗ [6].

³ Режим МОК предусматривал установление обменного курса узбекского сума к другим валютам на трех валютных рынках: аукциона, коммерческого банка и бюро обмена валюты.

На деле МОК привел к тому, что для отдельных крупных предприятий доступ к иностранной валюте превратился в скрытую субсидию правительства на осуществление инвестиционных проектов, связанных с закупкой импортного сырья и оборудования [3. Р. 59]. Для большинства узбекских предприятий, по оценкам К. Розенберг и М. де Зеув, применение режима МОК означало существенные экономические потери, достигавшие в совокупности 2–8% ВВП на импортных рынках и 15% на экспортных рынках [8]. В экономике Узбекистана нарастали дисбалансы. Иностранные инвестиции в республику сократились, и «экономика выживала за счет валютных поступлений от сырьевых товаров, в первую очередь, хлопка и золота» [9. Р. 1]. Массовый отток твердой валюты на рынки соседних стран в первые годы применения МОК серьезно подорвал розничную торговлю внутри Узбекистана, а попытки решить данную проблему административными мерами чаще всего приводили к ухудшению ситуации⁴ [Ibid. Р. 19]. Население сталкивалось с нехваткой наличных денежных средств и иными проблемами при попытках конвертации узбекского сума в иностранную валюту [10].

В конце 1996 года взаимодействие Узбекистана с МВФ в части финансовой поддержки было приостановлено из-за нежелания руководства страны следовать рекомендациям экспертов Фонда.

Несмотря на это, в период с 1996 по 2000 гг. макроэкономические показатели Узбекистана оставались достаточно высокими, в том числе в сравнении с другими постсоветскими странами, выполнившими требования Бреттон-Вудских институтов в части либерализации финансовой сферы и открытости торговли. Но, пока зарубежные эксперты объясняли «узбекскую загадку» преимущественно первоначальными условиями [11, 12], в социальной сфере страны нарастали негативные тенденции: в условиях высокой инфляции, превышавшей в 1999–2001 гг. 20%⁵, уровень жизни населения республики постоянно снижался⁶ [9. Р. 20], появлялись проблемы в сфере образования, здравоохранения и социальной защиты⁷.

Всемирный банк, отмечая ухудшение экономического положения в стране, в 2001 году предоставил республике право на кредитование из средств Международной ассоциации развития⁸ [14. Р. 2]. К тому же после терактов, совершенных в США в 2001 году, американская администрация пересмотрела свою политику

---

⁴ В декабре 2002 года правительство Республики Узбекистан закрыло границы, обосновывая это защитой страны от эпидемий. Однако в обществе сложилось понимание того, что данные мероприятия проводились с целью помешать людям покупать товары за пределами государства. Это оказало разрушительное воздействие на внешнюю торговлю, а также привело к недовольству населения, так как у многих граждан Узбекистана были родственники, проживающие в соседних странах.

⁵ Согласно данным МВФ (World Economic Outlook Database).

⁶ В первые годы XXI века за чертой бедности проживала четверть населения страны.

⁷ Подробнее см. Промежуточный документ о Стратегии сокращения масштабов нищеты в Узбекистане [13. РР. 10-20].

⁸ В начале XXI века для того, чтобы страна могла претендовать на средства Международной ассоциации развития, ее доход на душу населения не должен был превышать 500 долл.

в Центральной Азии, настояв на возобновлении сотрудничества МВФ и других международных организации (в том числе, Всемирного банка и Европейского банка реконструкции и развития [15. Р. 72]) с Узбекистаном, тем самым предоставив республике «второй шанс».

Однако после череды неудачных попыток, предпринятых экспертами МВФ с целью убедить руководство Узбекистана отказаться от прежней социально-экономической модели развития и начать реформирование экономики, взаимодействие международной организации с руководством страны было сведено к минимуму [ibid. Р. 72–73]. В частности, несмотря на заявления руководства республики о принятии в ноябре 2003 года обязательств, предусмотренных разделами 2(а), 3 и 4 статьи VIII Статей Соглашения МВФ касательно снятия ограничений на осуществление платежей и переводов по текущим международным операциям [16], в реальности «произошло лишь ограниченное улучшение доступа [экономических агентов] к иностранной валюте» [17. Р. 15]. По этой причине, несмотря на заверения официальных лиц Узбекистана о выполнении требований МВФ, при обращении в Фонд за получением нового кредита [18] Правительству Республики Узбекистан было отказано. С этого времени переговоры о финансовой поддержке центральноазиатской республики МВФ были приостановлены.

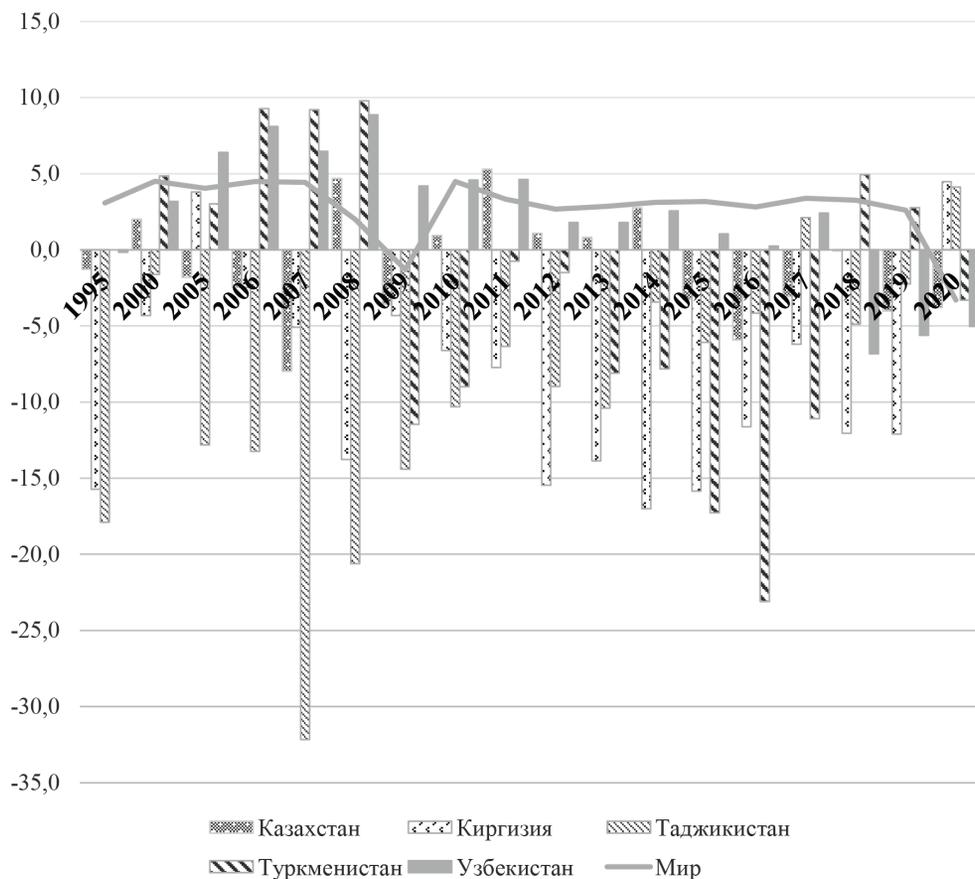
После беспорядков в узбекском городе Андижан, случившихся из-за роста социального недовольства вследствие стагнирующей экономики, всеобъемлющей коррупции и большого количества бюрократических проволочек – факторы, связанные с отсутствием реформ [19. РР. 1–17], – и последующего осуждения западными институтами нарушений прав граждан в Узбекистане (включая широкое использование в сельском хозяйстве принудительного, в том числе детского, труда), сотрудничество руководства республики с Бреттон-Вудскими институтами включало только вопросы первостепенной важности – такие как борьба с бедностью и ежегодная оценка состояния экономики страны.

Несмотря на проблемы в социальной сфере, проводимая руководством Узбекистана внешнеэкономическая политика была во многом оправданной, так как позволила не допустить появления в республике периодов «длительной нестабильности, вооруженных конфликтов или государственного краха, как в некоторых других постсоветских странах» [20]. Вопреки негативным прогнозам относительно дальнейшего развития Узбекистана в условиях приверженности правительства республики административному регулированию экономической деятельности, прирост годового валового внутреннего продукта страны в последующие 5 лет превышал 6,44%⁹, тогда как темпы роста мирового выпуска

---

⁹ Первоначально в документах Фонда утверждалось, что в 2010 и 2011 годах прирост ВВП Узбекистана составил 8,5 и 8,2% соответственно [21], но данные, которые доступны сегодня на официальном сайте организации, почти в два раза ниже: 4,6% в 2010 и 2011 годах.

составляли в среднем 2,82% (Рис. 1). Более того, низкая степень интеграции Узбекистан в мировые финансы в период Глобального финансового кризиса 2008–2010 гг. оградила узбекскую экономику от внешних шоков, возникших на рынках капитала вследствие кредитных ограничений и резкого сокращения потоков капитала [22, 23].

Рис. 1. Ежегодный прирост валового внутреннего продукта в странах Центральной Азии и в среднем по миру (%).

Источник: составлено автором на основе данных МВФ [24].

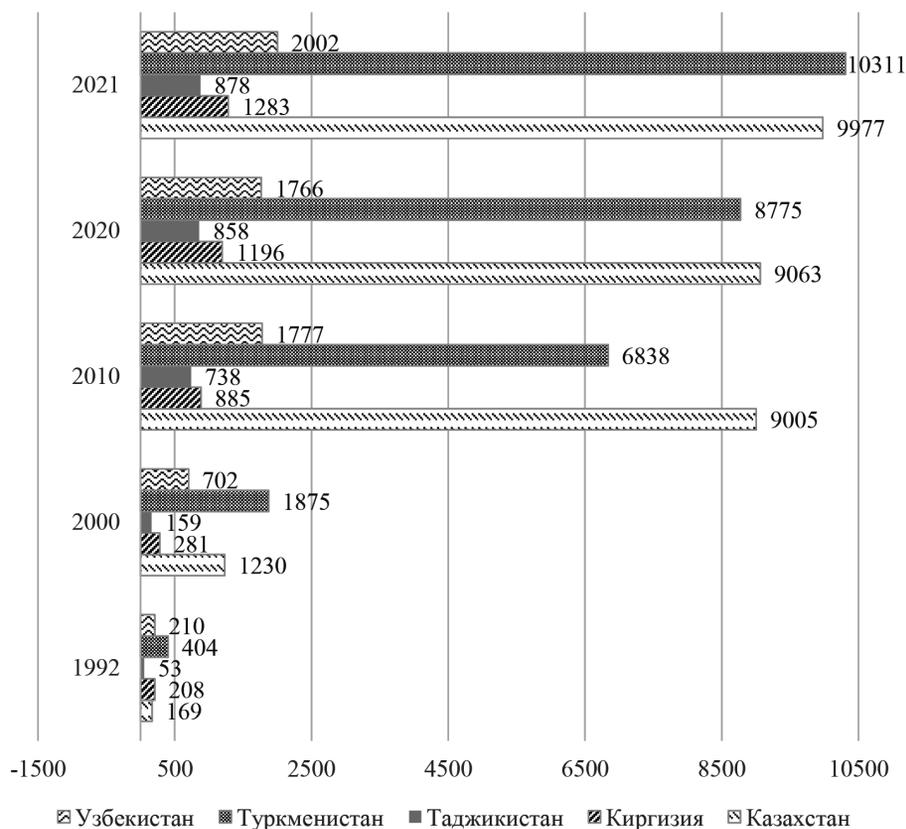
Фр. Гальдини связывает высокие показатели роста узбекской экономики конца 2000-х – начала 2010-х годов с разворачиванием сырьевого суперцикла и доказывает, что интеграция Узбекистана в международное разделение труда осуществлялась примерно тем же путем, что и в бывших Союзных республиках, богатых энергоресурсами, с одной лишь разницей: основным экспортируемым из республики товаром на начальном этапе был хлопок, а затем и другие сырьевые товары – золото, природный газ и медь. Поэтому ученый считает, что

развитие внешнеторговых связей Узбекистана «привело к тем же качественным формам ориентации на экспорт сырья и "отстающей" индустриализации, которые характеризовали другие государства бывшего СССР» [25. Р. 226]. Вывод Гальдини в целом согласуются с мнением экспертов Всемирного банка относительно причин экономического роста Узбекистана в начале XXI века. Проведенный ими анализ компонентов роста валового внутреннего продукта республики за период с 2010 по 2019 годы показал, что около $\frac{2}{3}$ роста произошло за счет почти 50% увеличения производительности труда, связанного с ростом основного капитала и стоимости экспорта природных ресурсов (таких как золото и природный газ) [26. РР. 17–18].

В документах Всемирного банка об Узбекистане в конце 2000-х годов говорилось, как о «стране с низким уровнем дохода, находящейся в состоянии стресса», а международное экспертное сообщество оценивало государство как субъекта мировой экономики, которому «серьезно угрожает банкротство» [22. Р. 1], «имеющее все шансы распространиться на Третий мир» [27. С. 141]. Граждане Узбекистана, проживающие в стране, начали сталкиваться с проблемами, связанными с изношенностью объектов инфраструктуры, обеспечивающих электроснабжение, водоснабжение и канализацию, управление твердыми отходами и дорожное сообщение между населенными пунктами [28. Р. 4]. Руководство республики не справлялось с демографическими проблемами, вызванными стремительным ростом доли трудоспособного населения и увеличением потребности в создании рабочих мест [29. Р. 21]. Если за период с 2000 года по 2010 год валовый внутренний доход на душу населения в странах Центральной Азии в среднем вырос на 4,3%, то у Узбекистана рост составил чуть более 2,5%. В итоге показатель Узбекистана более чем в 2 раза превышал показатели Киргизии и Таджикистана, но был в 4 и 5 раз меньше показателей Туркменистана и Казахстана соответственно (Рис. 2).

С окончанием в середине 2010-х годов сырьевого суперцикла произошло сворачивание «экономического чуда» Узбекистана. Внешние потрясения, начавшиеся в 2014 году, привели к уменьшению экспорта республики за счет падения цен на сырьевые товары и уменьшения денежных переводов и способствовали снижению темпов экономического роста страны до 1,05% и 0,25% в 2015 и 2016 годах соответственно (Рис. 1).

Таким образом, период с 1996 по 2015 гг. охарактеризовался отказом МВФ от финансовой помощи руководству Узбекистана, что привело к увеличению проблем в социально-экономической сфере страны. Благоприятная конъюнктура на мировых товарно-сырьевых рынках в краткосрочной перспективе нивелировала негативные эффекты в узбекской экономике.

Рис. 2. Валовой внутренний продукт на душу населения в странах Центральной Азии (долл.).
 Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка [30].

Новый этап сотрудничества Узбекистана с МВФ. Исчерпав к середине 2010-х годов внутренние ресурсы для поддержания социальной стабильности и экономического развития в условиях чрезмерно зарегулированной системы, власти Узбекистана начали обсуждать с МВФ вопросы либерализации финансового сектора [31]. После избрания на пост Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева намерения следовать рекомендациям Фонда были зафиксированы в тексте утвержденной Президентом Республики Узбекистан в феврале 2017 года Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан на следующие пять лет [32], после принятия которого руководство страны приступило к реализации намеченных преобразований.

Опыт проведения реформ в постсоветских государствах позволил сотрудникам МВФ учесть допущенные ими в последние два десятилетия ошибки и просчеты. В частности, эксперты Фонда понимали, что страны с переходной

экономикой часто показывают эффективность в совершенствовании законодательства, правил и институтов лишь «на бумаге», тогда как реализация прописанных в документах мер была бессистемной [33. Р. 30]. В связи с этим они потребовали от руководства Узбекистана отладить механизм для отслеживания результатов реформ с целью своевременного реагирования на возникающие проблемы и поиска их решения. Поэтому одним из первоочередных шагов в вопросах реформирования узбекской экономики стали мероприятия, связанные с совершенствованием сбора и обработки статистических данных: из 78 программ, осуществленных в рамках технического содействия МВФ государственным органам Узбекистана, 23 были связаны со статистикой (подробнее см. табл. 1). Это позволило Узбекистану уже в 2018 году присоединиться к Усовершенствованной общей системе распространения данных (англ. *Enhanced General Data Dissemination System - e-GDDS*) [34].

Таблица 1

Основные сферы оказания МВФ технического содействия Узбекистану

Статистика	Монетарная политика и развитие рынка капитала	Фискальная политика
Статистика платежного баланса (2017). e-GDDS (2018). Статистика государственных финансов (2018–2020). Статистика национальных счетов (2018–2021). Статистика денежно-кредитного и финансового секторов (2018–2019). Статистика внешнего сектора (2018–2020). Статистика государственного долга (2020). Индекс цен производителей (2020). Индексы цен потребителей (2020). Индексы внешнеторговых цен (2021). Диагностика статистики по нескольким темам (2021).	Денежные и валютные операции (2017, 2019). Основы денежно-кредитной политики (2018). Банковское стресс-тестирование (2018). Среднесрочная стратегия управления государственным долгом (2020). Обзор стабильности финансового сектора (2020). Регулирование рынков капитала – IOSCO (2020). Либерализация счета капитала (2021).	Оценка фискальной прозрачности (2018). Модернизация налогового администрирования и налоговая политика (2018–2019). Улучшение фискальной отчетности (2018). Улучшение работы Отдела налоговой политики (2019). Подготовка бюджета, анализ финансовых рисков и управление государственными инвестициями (2019–2020). Закон о годовом бюджете (2019). Бюджетная стратегия (2020). Макро-фискальный семинар (2020). Управление комплаенс-рисками (2020–2021). Налоги на недвижимость и природные ресурсы (2019–2021).

Источник: составлено автором по материалам страновых отчетов МВФ за 2018, 2019 и 2021 годы [29, Informational Annex, PP. 4–6; 35. Informational Annex, P. 4; 33, Informational Annex, P. 4].

В вопросах корректировки монетарной и фискальной политик руководство Узбекистана по настоянию МВФ пошло на меры «шоковой терапии». Еще в 1990-х годах считалось, что быстро проведенные реформы позволяют избежать отправки «запутанных сигналов экономическим агентам от гибридной системы – ни старой командной системы, ни жизнеспособной альтернативы» [3. Р. 11]. Опыт реформирования национальных экономик постсоветских государств свидетельствовал, что при таком подходе в краткосрочной перспективе наблюдается существенное снижение макроэкономических показателей, но *в перспективе в 10–15 лет курсы национальных валют и счета текущих операций выравниваются до уровней, близких к долгосрочному равновесию* [31. Р. 41].

На первоначальном этапе либерализация финансового сектора Узбекистана привела к изменениям в платежном балансе страны как за счет стремительного роста импортных операций, так и за счет увеличения поступлений в республику финансовых ресурсов (Рис. 3).

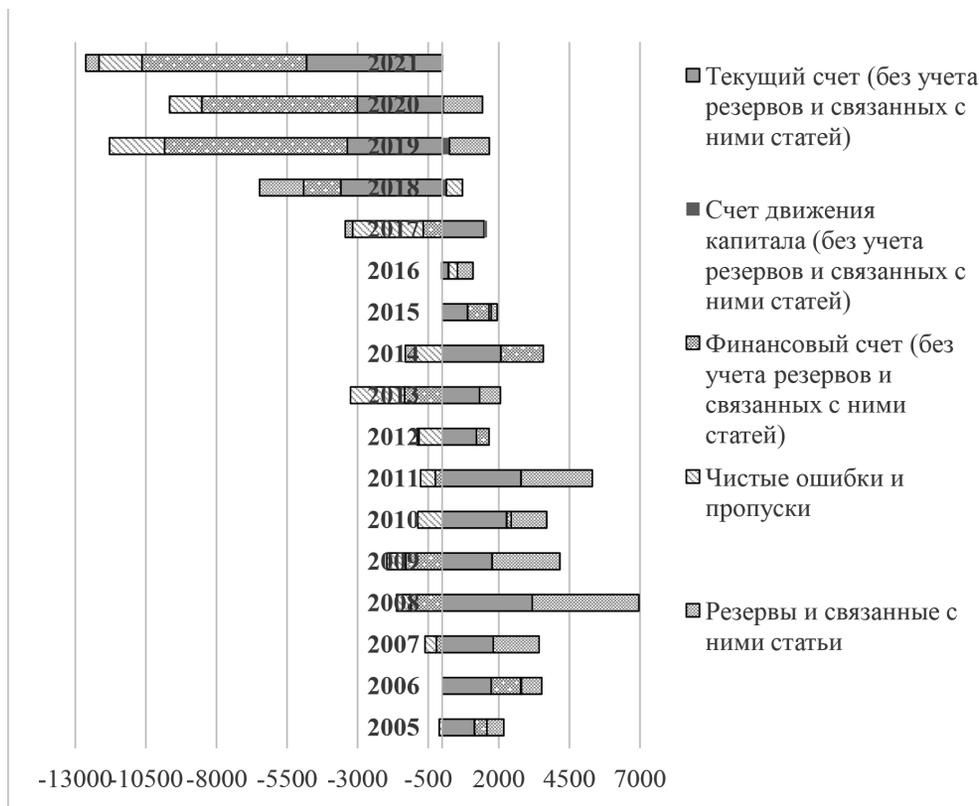
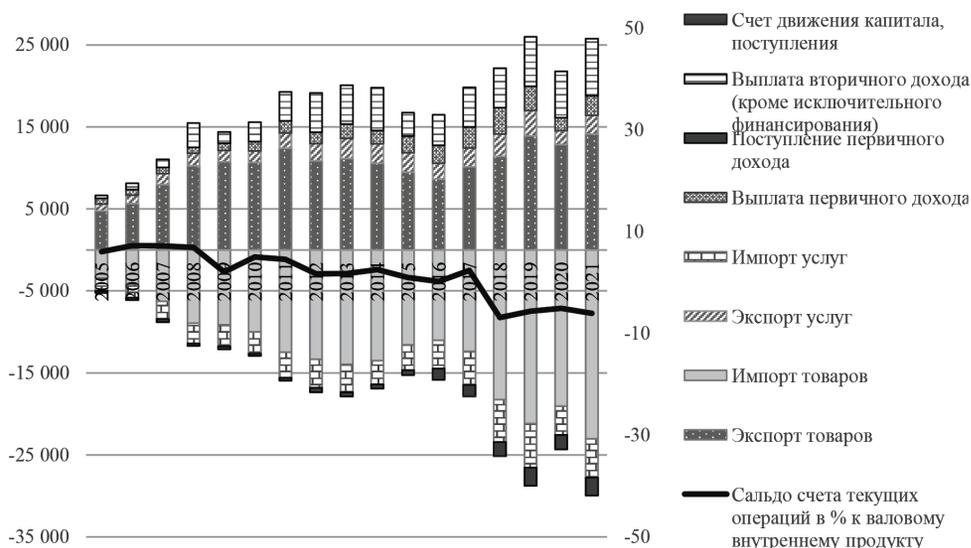

Рис. 3. Аналитическое представление платежного баланса Республики Узбекистан за период с 2005 по 2021 год (млн долл.).

Источник: составлено автором на основе данных МВФ [35].

После либерализации курса узбекского сума в стране перестал ощущаться дефицит иностранной валюты и, как следствие, спрос на импорт больше не сжимался. Профицит счета текущих операций сменился дефицитом: если в 2017 году счет текущих операций был составлял 2,4% от ВВП, то в 2021 году его значение превысило $-6,0\%$ от ВВП (Рис.4).

Рис. 4. Аналитическое представление счета текущих операций и счета движения капитала платежного баланса (левая шкала, в млн долл.) и отношение сальдо счета текущих операций к валовому продукту Узбекистана (правая шкала, %) за период с 2005 по 2021 год.

Источник: составлено автором на основе данных МВФ [24, 35].

Дефицит счета текущих операций был покрыт за счет увеличившихся финансовых потоков в Узбекистан, преимущественно в виде долговых обязательств (Рис. 5). В период после начала реформ внутри – прежде всего, государства и организаций, получивших государственную гарантию под обязательства перед иностранными агентами, против роста резервных активов за рубежом. При этом ежегодный чистый приток прямых иностранных инвестиций в течение 2017–2020 годов был небольшим – в среднем, на уровне 2,71% от ВВП, что сопоставимо с Казахстаном и Таджикистаном, у которых этот показатель был равен 2,31% и 2,29% соответственно. Для сравнения: за предыдущие четыре года (2013–2016 гг.) чистый приток ПИИ в Узбекистан в среднем составлял 1,27% от ВВП при 5,91% у Казахстана и 3,97% от ВВП у Таджикистана¹⁰.

¹⁰ Рассчитано автором на основе индикаторов Всемирного банка.

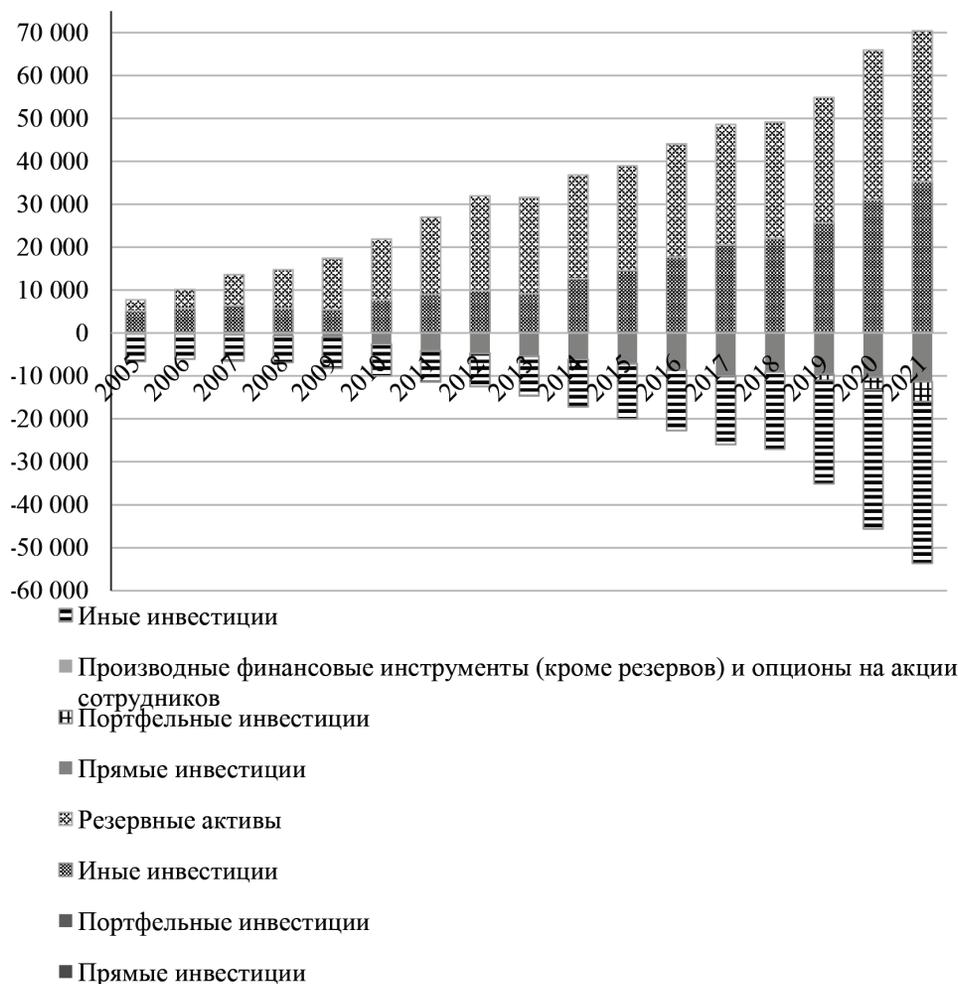

Рис. 5. Аналитическое представление международной инвестиционной позиции Узбекистана за период с 2005 по 2021 год (млн долл.).

Источник: составлено автором на основе данных МВФ [35].

В дальнейшем проведение реформ при поддержке международных финансовых организаций, включая МВФ, дало возможность привлечь в страну значительные объемы предоставленных на льготных условиях кредитов и грантов. За 6 лет с начала реформ общий объем внешней задолженности Узбекистана вырос более чем в два раза преимущественно за счет осуществления государственных заимствований на долгий срок у многосторонних институтов (табл. 2). В 2020 году на фоне пандемии COVID-19 МВФ впервые с 1996 года предоставил республике финансовую помощь в размере 275,6 млн СДР (50% от квоты, около 375 млн долларов США) для покрытия финансовых потребностей

страны и потребностей платежного баланса, а также с целью смягчения влияния внешнего шока на международные резервы страны [36].

Таблица 2

Структура внешнего долга Республики Узбекистан (млн долл.)

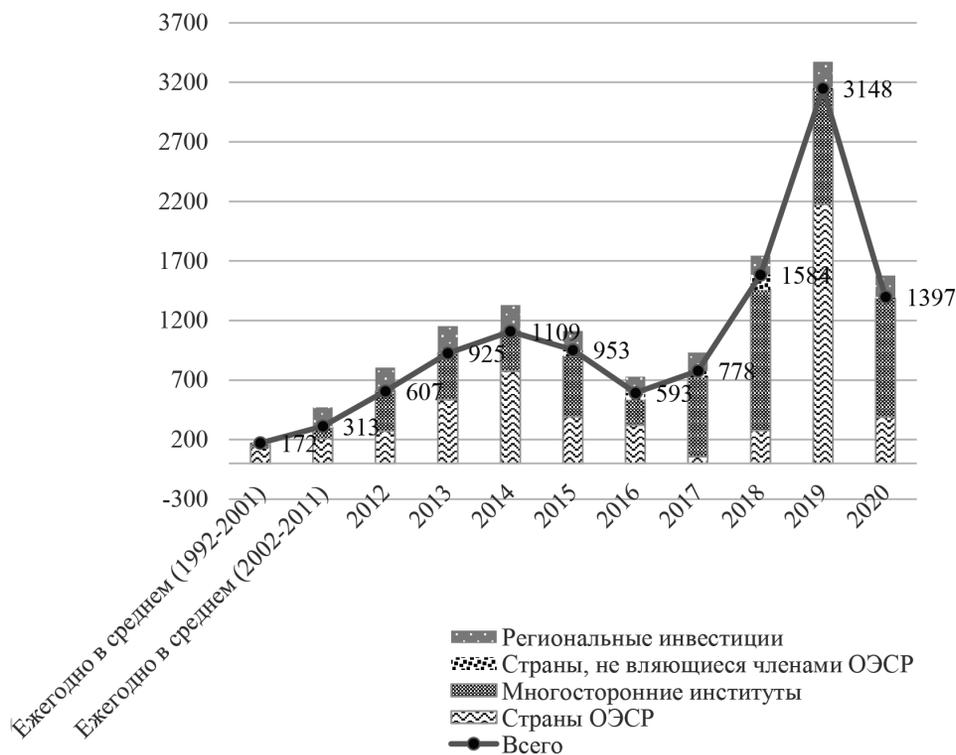
	2010 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Сводные данные о внешней задолженности в разбивке по типам должников							
Общий объем внешней задолженности	7 981	15 494	16 692	17 736	22 407	32 174	38 995
Использование кредита МВФ	405	353	374	365	363	775	1 493
Долгосрочный внешний долг	7 154	14 751	15 578	16 473	21 369	29 010	33 958
Государственный и гарантированный государством	3 423	6 603	7 544	9 412	12 790	17 064	20 148
Государственный сектор	3 419	6 603	7 544	9 412	12 790	17 064	20 148
Частному сектору, не гарантированный	3 730	8 149	8 035	7 061	8 579	11 946	13 810
Краткосрочная внешняя задолженность	423	389	740	897	674	2 389	3 544
Чистый финансовый приток							
Использование кредита МВФ	–	–	–	–	–	384	0
Долгосрочные	698	1 893	662	1 929	4 699	7 240	6 284
Официальные кредиторы	184	1 034	800	1 980	2 338	2 764	1 587
Многосторонние институты	110	361	460	1 580	1 616	2 134	886
из них Всемирный банк	5	196	101	1 013	820	978	618
Двусторонние кредиторы	74	673	340	400	722	630	701
Частные кредиторы	514	859	–138	–51	2 361	4 477	4 698
Держатели ценных бумаг	–	–	–	–	1 300	1 348	1 870
Банки и иные организации	514	859	–138	–51	1 061	3 129	2 828
Краткосрочные	–120	228	351	157	–232	1 714	1 152

Источник: составлено автором на основе данных справочника «Статистика международной задолженности» [37. Р. 167].

Согласно оценкам МВФ, несмотря на то что показатель соотношения государственного и гарантированного государством внешнего долга к ВВП страны достигнет пика в текущем году, составив 43% [38, Debt Sustainability Analysis], при немалых валютных резервах (на конец 2020 года они составляли 35 млрд

долл., что эквивалентно примерно 61% ВВП или 16 месяцам импорта товаров и услуг) [Ibid, PP. 45–46], экономика страны в целом останется устойчивой. При этом наметилась тенденция на рост объемов средств, привлеченных от частных кредиторов, при одновременном снижении сумм, предоставляемых официальными кредиторами, включая многосторонние институты. Она свидетельствует о том, что экономика Узбекистана становится все более привлекательной для частных инвесторов.

Благодаря установлению конструктивного диалога с Бреттон-Вудскими институтами, Узбекистан в последние годы стал крупнейшим на постсоветском пространстве получателем официальной помощи развитию. С 2018 по 2020 год в Узбекистан поступило 6,1 млрд долл. и еще 0,6 млрд долл. было вложено в регион в целом (Рис. 6). Более половины вложений сделали многосторонние институты, преимущественно Международная ассоциация развития и Азиатский банк развития.

Рис. 6. Официальная помощи развитию Узбекистану (млн долл., в постоянных ценах 2000 г.).

Источник: составлено автором по данным ОЭСР [39].

Сегодня экспертами МВФ внешняя позиция Узбекистана оценивается как «в целом соответствующая экономическим основам и желательной политике»

[38. Р. 46], но, несмотря на ожидания экспертов, приток иностранных инвестиций в страну увеличился незначительно. До тех пор, пока в Узбекистане не будут реализованы структурные реформы, ожидать изменений в международной инвестиционной позиции страны не приходится. Как утверждают эксперты Всемирного банка, «процесс [реформ] все еще находится на ранней стадии» [40. Р. 6], и «корыстные интересы» могут помешать или замедлить процесс перехода к рынку [Ibid. Р. 32].

***

Известные экономисты XX века, такие как А.О. Хиршман [41], Д.А. Рондинелли [42], считали, что политика и проекты в области развития представляют собой политические эксперименты, в которых правительства обладают ограниченными знаниями и испытывают трудности с прогнозированием результатов своих действий. На примере Узбекистана было показано, что в условиях благоприятной конъюнктуры на мировых товарных рынках и наличия у страны возможности экспортировать сырьевые товары в период высоких цен и спроса на них, руководство страны может длительное время не проводить полную либерализацию финансовой сферы и открытие торговли. Однако такая политика приводит к нарастанию проблем в социальной сфере и дисбалансов в экономике.

Активизация сотрудничества Узбекистана с МВФ во многом стала необходимой мерой ввиду исчерпания прежней модели экономического развития, и вследствие этого, руководство страны сделало выбор в пользу увеличения финансовой и торговой открытости экономики. Следование рекомендациям Фонда в части реформирования экономики помогло республике получить финансовую поддержку международных кредиторов и иностранных доноров для проведения необходимых преобразований в экономике и нивелирования негативных социальных последствий. Хотя осуществляемые в экономике преобразования должны в долгосрочной перспективе положительно сказаться на макроэкономических показателях Узбекистана, на текущем этапе очевидно, что при правильно выбранном руководством страны и МВФ подходе к осуществлению реформ преобразования могут в среднесрочной перспективе не так болезненно сказаться на социально-экономической сфере государства, как это было в конце 1990-х годов в других постсоветских государствах.

Литература

1. *Махмудов Р.* Внешняя политика современного Узбекистана // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 1. С. 121–134.
2. World Bank. The East Asian miracle: Economic growth and public policy. Main report. A World Bank Policy Research Report // Washington, D.C.: World Bank, 1993.
3. Republic of Uzbekistan: Recent Economic Developments. IMF Staff Country Report No. 98/116 // Washington, DC: International monetary Fund, 1998.

4. Press Release: IMF Approves STF Drawing for Uzbekistan. IMF official web-site. January 25, 1995. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/14/01/49/pr9507>.
5. Press Release: IMF Approves Stand-by Credit and Second STF Drawing for Republic of Uzbekistan. IMF official web-site. December 18, 1995. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/14/01/49/pr9567>.
6. Uzbekistan, Republic of: Transactions with the Fund from May 01, 1984 to June 30, 2022. IMF official web-site. URL: https://www.imf.org/external/np/fin/tad/extrans1.aspx?memberKey1=1042&endDate=2099-12-31&finposition_flag=YES.
7. *Kiguel M.A., O'Connell St.A.* Parallel Exchange Rates in Developing Countries: Lessons from Eight Case Studies // Washington, D.C.: World Bank, 1994.
8. *Gunther T., Zettelmeyer J.* Output Decline and Recovery in Uzbekistan: Past Performance and Future Prospects. IMF Working Paper 98/132 // Washington: International Monetary Fund. 1998.
9. Uzbekistan's Reform Program: Illusion Or Reality? (Asia Report № 46) // Brussel: International Crisis Group, 2003.
10. *Gemayel E.R., Grigorian D.A.* How Tight Is Too Tight? A Look at Welfare Implications of Distortionary Policies in Uzbekistan. IMF Working Paper (WP/05/239) // Washington, DC: International monetary Fund, 2005.
11. *Zettelmeyer J.* The Uzbek Growth Puzzle. IMF Working Paper (98/133) // Washington, DC: International monetary Fund, 1998.
12. *Zettelmeyer J., Taube G.* Output Decline and Recovery in Uzbekistan: Past Performance and Future Prospects. IMF Working Paper (98/132) // Washington, DC: International monetary Fund, 1998.
13. Uzbekistan at Ten: Repression and Instability (Asia Report № 21) // Brussel: International Crisis Group, 2001.
14. Republic of Uzbekistan: Interim Poverty Reduction Strategy Paper – Joint Staff Advisory Note. (IMF Country Report No. 05/159) // Washington, DC: International monetary Fund, 2005.
15. *Zasada G.* Uzbekistan: The major source of instability in Central Asia? Centre for Eastern Studies №15. 2004. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/125084/RU_17.pdf.
16. Press Release: The Republic of Uzbekistan Accepts Article VIII Obligations. IMF official web-site. November 11. 2003. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/14/01/49/pr03188> (дата обращения: 25.07.2022).
17. The Failure of Reform in Uzbekistan: Ways Forward for the International Community (Asia Report № 76) // Brussel: International Crisis Group, 2004.
18. Republic of Uzbekistan –Letter of Intent. IMF official web-site. July 29, 2002. URL: <https://www.imf.org/external/np/loi/2002/uzb/02/index.htm>.
19. Uzbekistan: The Andijon Uprising (Asia Report № 38) // Brussel: International Crisis Group. 2005.
20. *Lasslett K.* Corruption and reform in Uzbekistan: The elephant is still in the room. Foreign Policy Centre, 2020. URL: <https://fpc.org.uk/corruption-and-reform-in-uzbekistan-the-elephant-is-still-in-the-room/>.
21. Uzbekistan: Staff Visit, May 21–25, 2012-Aide Memoire. IMF official web-site. May 25, 2012. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/52/mcs052512>.
22. Press Release: Statement by the IMF Mission to Uzbekistan. IMF official web-site. December 27, 2008. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/14/01/49/pr08347>.
23. Press Release: Joint Statement by the Government and the Central Bank of the Republic of Uzbekistan and the International Monetary Fund. IMF official web-site. June 30, 2010. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/14/01/49/pr10272>.
24. World Economic Outlook Database. International Monetary Fund (April 2022 Edition). URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/April>.

25. *Galdini F.* The Post-Soviet Space and Uzbekistan in the International Division of Labour from Transition to Capital Accumulation. – A thesis submitted to The University of Manchester for the degree of Doctor of Philosophy in the Faculty of Humanities, 2021.
26. *Toward a Prosperous and Inclusive Future: The Second Systematic Country Diagnostic for Uzbekistan* // Washington, D.C.: World Bank, 2022.
27. *Ханна П.* Второй мир // Москва: Европа. 2010.
28. ADB Country Partnership Strategy. Uzbekistan, 2019–2023 – Supporting Economic Transformation. – Asian Development Bank, May 2019. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/510251/cps-uzb-2019-2023.pdf>
29. Republic of Uzbekistan. 2021 Article IV Consultation – Staff Report (IMF Country Report No. 21/85) // Washington, DC: International monetary Fund, 2021.
30. GDP per capita (current US\$) World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>.
31. Press Release: IMF Staff Completes 2015 Article IV Mission to the Republic of Uzbekistan. IMF official web-site. May 13, 2015. [URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/14/01/49/pr15216>].
32. Указ Президента Республики Узбекистан от 07.02.2017 № УП-4947 «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан». URL: <https://lex.uz/docs/3107042>.
33. Republic of Uzbekistan. 2018 Article IV Consultation – Staff Report (IMF Country Report No. 18/117) // Washington, DC: International monetary Fund, 2018.
34. Uzbekistan Implements the IMF’s Enhanced General Data Dissemination System. IMF official web-site. May 3, 2018. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2018/05/03/pr18153-uzbekistan-implements-the-imf-enhanced-general-data-dissemination-system>.
35. External Sector Statistics of Uzbekistan. International Financial Statistics. URL: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=61545851>.
36. IMF Executive Board Approves a US\$375 Million Disbursement to the Republic of Uzbekistan to Address the Impact of the COVID-19 Crisis. IMF official web-site. May 18, 2020. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/05/18/pr20220-uzbekistan-imf-executive-board-approves-us-375m-disbursement-address-impact-covid19>.
37. International Debt Statistics 2022 (Updated International Debt Statistics) / Washington, DC: International Bank for Reconstruction and Development // The World Bank, 2022.
38. Republic of Uzbekistan. 2022 Article IV Consultation – Staff Report (IMF Country Report No. 22/189) // Washington, DC: International monetary Fund. 2022.
39. Creditor Reporting System. OECD.Stat. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#>.
40. *Toward a Prosperous and Inclusive Future (The Second Systematic Country Diagnostic for Uzbekistan)* // Washington, DC: World Bank Group. 2022.
41. *Hirschman A.O.* Development Projects Observed // Washington, DC: Brookings Institution Press, 1967.
42. *Rondinelli D.* Development Projects as Policy Experiments: An Adaptive Approach to Development Administration // Routledge. 1993.

Ekaterina Romanchuk (e-mail: kate.romanchuk@ya.ru)
Postgraduate Student, Junior Researcher,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS
(Moscow, Russia)

IMF ASSISTANCE TO UZBEKISTAN IN OVERCOMING THE PROBLEMS OF THE SOCIO-ECONOMIC MODEL OF DEVELOPMENT

For a long time, the leadership of Uzbekistan adhered to a socio-economic model with a focus on import-substituting industrialization and gradual liberalization of the financial sector. As a result of this approach, the country's interaction with the International Monetary Fund (IMF) and other international financial organizations was limited by a number of issues on which the vision of the Uzbek leaders coincided with the views of the experts of these institutions on the ways of developing the national economy of the republic. However, as soon as the Government of the Republic of Uzbekistan agreed to carry out the reforms recommended to it by the Bretton Woods institutions, opportunities for deepening integration into the world economy began to open up for the country.

Keywords: IMF, Uzbekistan, balance of payments, international investment position, reforms, financial sector liberalization, trade opening.

DOI: 10.31857/S020736760024669-4